

18+

Я ВЫБИРАЮ СВЕТ

Литературный цикл «Год Света»

ЛИТЕРАТУРНАЯ
РЕСПУБЛИКА

**Арсалан Жамбалович Жамбалон
(Жамбалов)**

Борис Алексеев

Сажидин Саидгасанов

Григорий Шепелев

Валерий Гамм

Юлия Цхведиани

Галина Весновой

Алексей Евдонов

Татьяна Богив

Владимир Сорокин

Эрна Гультяева-Огонькова

Наталья Нишкерица

Лариса Бирюкова

Олег Аникиенко

Фатима Тазова

Ирина Виксиньш

Владимир Бояринов

Ольга Исида

Ольга Корак

Елена Полещикова

**Эдуард Артюхов
Елена Каморина
Василий Тресков**

Я выбираю свет. Литературный цикл «Год света»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73762773
ISBN 9785605608806*

Аннотация

В стремительном ритме современной жизни мы нередко перестаем замечать самое важное – внутренний свет, который выражается в честности, доброте, памяти, надежде. Литературный цикл «Год Света» – это возможность для авторов и читателей через самопознание и самосовершенствование вместе пройти непростой путь к преобразованию этого мира. В каждом произведении свет – не украшение, а позиция автора.

Содержание

Владимир Бояринов	10
В мире моих снегов	12
Величальная	14
Внутренний голос	15
Григорий Мелихов	16
Дурочка	17
Заговор на потерянный крестик	19
Звёздные беседы	20
Здесь и сейчас	22
Мачеха	23
Младенец русской славы	24
Музыка звёздной мистерии	26
На крылечке магазина	28
Орган	30
Очарованный	32
Паром	34
Плач	35
Под вечным льдом	36
Помню	37
Последний раз	38
Пророк	39
С любимой	40
Сиреневый день	42

Скарабей	44
Тропарь	45
Щенок	46
Я подожду	47
Борис Алексеев	49
Спираль счастья	50
Сказ о будущем	56
Олег Аникиенко	59
«В тридцать седьмом – меня убили...»	60
«Что-то хрупкое легче высмеять...»	61
У последней шкалы	62
«– Пора... – шепнула Смерть. Вздохнул, ...»	64
Эдуард Артюхов	65
Никто не знает	66
Любите ангелов-хранителей своих!	67
Давайте снова верить в сказку!	71
Какой на свете самый тяжкий груз?	73
6 апреля 2025 года	75
Прежде чем судить, спроси	77
30 декабря 2025 года	78
Ангел у Семимостья несет людям счастье	80
Бессонница	81
Благодарите Бога за утро новое	83
Боль	85
Бывает хочется всю жизнь начать сначала	86
В День Рождества Христа	88

В Канун Святого Рождества	89
В небо месяц решил не ходить	91
Важно	92
Верба-красавица	93
Весенняя беда	94
Весь в цветах яблоневый сад	95
Всегда наступает за закатом рассвет	96
Встреча на рыбалке	98
Встреча со старым другом	101
Говорите Спасибо людям!	103
Горькие слезы	104
Давайте в Сочельник свечи зажжем!	105
Дайте мне таблетку от души	107
Две горлицы у лужи воркуют и горланят	108
Деревенское утро	110
Дню новому радуйтесь как подарку	111
До зимы так долго еще чудес	113
Добро любите и его дарите	114
Добрые сны полны красоты	115
Добрый совет	117
Дремлет сердцем кто, просыпайтесь!	118
Жизнь-наш главный учитель	120
По дороге лунной тебе шагать	122
Зимняя сказка леса	125
Зимнее утро. Мороз	126
Зло порождает зло	128

И в поздней осени есть красота	129
И Маму крыльями руками он обнял	131
Играет Осень грустный блюз	132
Июльское доброе утро	133
К детям и внукам,	135
Как легко обмануться в пути	137
Как много в жизни мы не знаем	141
Как правду познать – важно это знать	142
Когда Бог хочет наказать	143
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Я выбираю свет

Литературный

цикл «Год света»

Авторы: Бояринов Владимир, Алексеев Борис, Аникиенко Олег, Артюхов Эдуард, Бирюкова Лариса, Богив Татьяна, Весновей Галина, Виксниныш Ирина, Гамм Валерий, Гуль-
тыева-Огонькова Эрнэ, Евдонов Алексей, Жамбалон (Жам-
балов) Арсалан Жамбалович, Исида Ольга, Каморина Еле-
на, Корак Ольга, Нишкерица Наталья, Полещикова Елена,
Саидгасанов Сажидин, Сорокин Владимир, Тазова Фатима,
Тресков Василий, Цхведиани Юлия, Шепелев Григорий

ИД «Литературная Республика»

© Владимир Бояринов, 2026

© Борис Алексеев, 2026

© Олег Аникиенко, 2026

© Эдуард Артюхов, 2026

© Лариса Бирюкова, 2026

© Татьяна Богив, 2026

© Галина Весновей, 2026

© Ирина Виксниныш, 2026

© Валерий Гамм, 2026

- © Эрна Гулътыева-Огонькова, 2026
- © Алексей Евдонов, 2026
- © Арсалан Жамбалович Жамбалон (Жамбалов), 2026
- © Ольга Исида, 2026
- © Елена Каморина, 2026
- © Ольга Корак, 2026
- © Наталья Нишкерица, 2026
- © Елена Полещикова, 2026
- © Сажидин Саидгасанов, 2026
- © Владимир Сорокин, 2026
- © Фатима Тазова, 2026
- © Василий Тресков, 2026
- © Юлия Цхведиани, 2026
- © Григорий Шепелев, 2026

ISBN 978-5-605-60880-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Бояринов

Москва

Русский писатель, переводчик художественной литературы, общественный деятель, основатель издательства и сообщества писателей «Литературная Республика». Автор более 50 книг, которые издавались в ведущих издательствах страны. Инициатор успешных российских и зарубежных литературных проектов. Более 20 лет, с 1995 года, Владимир Георгиевич занимал руководящие должности, а в последствии возглавил Московскую городскую организацию Союза писателей России. За литературную и общественную деятельность удостоен званий Заслуженный ра-

ботник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия. Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени.

В мире моих снегов

В мире, где вечера
Тонут в немой глуши,
Только ещё вчера
Не было ни души.

Ночью светлым-светло
От первобытных звёзд.
Время вразвалку шло
На заревой погост.

В мире моих снегов
Воздух студёный чист,
Путаных нет следов,
Дерзкий не слышен свист.

Только откуда трель
Вышла на берега?
И голосит капель:
«Марья, зажги снега!»

Вот, навалясь на тын,
Время пошло на слом:
«Хватит, медвежий сын,
Спать беспробудным сном!»

Я открываю дверь
Резкому стуку вслед:
«Что там ещё за зверь?
Что там ещё за свет?»

С птицами на плечах,
С радостью на лице
Вижу тебя в лучах
На золотом крыльце.

Я выхожу во двор,
Сонный оставив склеп...
...Это с тех самых пор
Я от любви ослеп.

Величальная

Господа мы называем на Ты,
А записной образец срамоты:
Вора в законе, гнилого вельможу,
Властного пса и похмельную рожу —
Кто перед Господом ниже травы —
Мы величаем учтиво на Вы?..

Внутренний голос

Если ты слышишь свой внутренний голос,
Музыку невыразимых речей, —
Дыбом встаёт обмороженный волос
В круговороте бессонных ночей.

Вихрем возносится не изречённое,
Из-под сознания не извлечённое,
Неуловимое в сети людьми,
Неодолимое в свете любви.

Если достала тебя околесица,
Друг мой, держись! И не вздумай повеситься.
Благоразумие напрочь поправ,
Внутренний голос окажется прав¹

Григорий Мелихов

Как лозняк чихвостил Гришка
Беляков и коммуняк.
«Сабли наголо – и крышка!» —
Приговаривал казак.

А без куража и риска
Разве станешь казаком?
Вот вопрос: каким бы Гришка
Оказался стариком?

Он, хлебнув с избытком лиха,
Снова бы не задурил?
Он сидел бы тихо-тихо
И махорочку курил?

Стал похожим бы на зайца
С переливом в седину?

Чтоб таким не оказаться,
Он и сгинул на Дону.

Дурочка

Бредёт на зорьке дурочка
По сказочной Руси,
Рябая, словно курочка,
Вся по уши в грязи.

Бредёт по свету дурочка
Наперекор молве —
Из облака тужурочка,
Гнездо на голове.

«Куда спешишь, красавица?»
Она полой метёт,
И всё, чего касается,
Ликует и цветёт!

Цветут луга на западе,
В подснежниках восток,
А в журавлиной заводи —
Предсвадебный восторг!

Когда она откосами
Прошла речушку вброд,
Омылась в травах росами, —
Остолбенел народ!

Очнуться и покаяться

Настали времена.

– Смотри – и впрямь красавица!

Как звать тебя?

– Весна.

Заговор на потерянный крестик

Я написал в покаянной тетради:
«Друг безызвестный, прости Бога ради,
Если мой крестик нательный найдёшь
И по неведенью мне не вернёшь,
То постарайся (насколько возможно)
Жертвенный символ носить осторожно.
Если пойдёшь босяком по Руси —
Ради Христа ничего не проси.
И не стучи кулачищами в двери —
Сразу отвесят по мере и вере,
Пристально глянут, помянут перстом:
«Грех на тебе!» — и огреют пестом.

Стал обвыкаться. На третьей неделе
Двери в моей обывательской келье
Скрипнули вдруг! Поблазнилось: «Прости.
Меры чужой не под силу нести.
Кто пошатнулся по слабости — с теми
Под руку ходят ненастные тени.
Под руку водят и тянут во мглу...»

Луч заревой просиял! И в углу
Что-то, гляжу, проблеснуло на солнце.
Господи! — это мой крестик нашёлся.

Звёздные беседы

На далёкой таёжной опушке,
Где медведь охраняет межу,
Я живу в захудалой избушке
И душевные вирши пишу.

Выбирая звериные тропы.
За водою спускаюсь к реке;
И горят надо мной гороскопы,
И лучится фонарик в руке.

Но звезда, что насквозь проникает,
Прорицая, багрово горит —
Лишь она непрерывно мерцает,
Непрестанно со мной говорит.

Зря об этом пророческом чуде,
О признаньях, достигших Земли,
Распознали несчастные люди
И толпою в избушку пришли.

Зря мою истоптали опушку,
Зря чужих возжелали чудес,
Зря свою телескопную пушку
Навели на царицу небес.

Рдяным цветом она замерцала,
Разъярённым забила ключом,
В пыль и прах искрошила зерцала,
Обожгла преисподним лучом.

...И остыла, добавив при этом:
«Перестаньте, как дети, дурить.
Не мешайте с великим поэтом
По ночам о любви говорить».

Здесь и сейчас

Всё замуровано, всё шито-крыто,
Время приставлено строго стеречь
Место в степи, где собака зарыта,
Лобное место и местную речь.

Пёс мой ощерился. Гиблое место —
Место, где клад окаянный зарыт,
Место, где плачет ночами невеста,
Место, где кол в сердцевину забит;

Место, где ты на искус не поддался,
Место, где кары небесной избег,
Где не случайно на миг оказался
И очарован остался навек.

Горькие слёзы утерла невеста,
Клад расколдован, заклятый стократ.
Господи, правый, храни это место,
Райские кущи, черешневый сад!

Местное время ударило в бубен,
Звёзды пустились в отчаянный пляс.
Здесь я от счастья хмелён и безумен
Вместе со звёздами. Здесь и сейчас.

Мачеха

Хоронили девочку Анюту,
Плакали подружки и родня.
Не переставая на минуту,
Плакал дождик посредине дня.
Тучи беспросветные нависли,
Гром прогрохотал в прощальный час.

Мачеха оскалилась по лисьи,
Ухмыльнулась уголками глаз.

Младенец русской славы

На поле Куликовом,
За тридевять земель,
На поясе шелковом
Висела колыбель.

Висела золотая,
В колечки завитая,
Меж небом и землёй,
Меж снегом и золой.

В четыре полотенца
Рыдала ночью мать:
— Храните сон младенца!
Трещоток не замать!

— О чём она судачит? —
Задумалась родня...
— Когда мой сын заплачет,
Попомните меня!

Горчат дымы Полтавы,
Берлинский чад горчит,
Младенец русской славы
До времени молчит.

А вьюга всё крепчает,
Плетёт свою кудель.
Господь всю ночь качает
Златую колыбель...

Музыка звёздной мистерии

Музыка звёздной мистерии
Неуловима на слух.
Плоть её – в *тёмной материи*,
В *тёмной материи* дух.

Мается сила бездомная,
Бьётся как рыба об лёд,
В *чёрные дыры* бездонные
Нос любопытный суёт.

От содрогания в воздухе
Треснул небесный покров,
Слуха касаются отзвуки
Вневременных катастроф.

Это из бездны послание
Преодолело барьер?
Это предзнаменование,
Благовест музыки сфер?

Если попытка не разова,
Если душа запоёт,
Если для нашего разума
Это космический взлёт —
Завтра же двинемся с песнями

Млечные строить мосты.

Да не покроются плесенью
Лики земной красоты!

На крылечке магазина

На крылечке магазина
Заполошно лает псина,
Заводным волчком кружа
И серчая на бомжа.

То потянет за штанину,
То заезозит ползком.
Бомж её пихает в спину
Полегоньку сапогом.

Псина воеет от обиды —
Благодетель нем и глух —
Не сработали кульбиты,
Грёзы сладкие разбиты
И закат уже потух.

Бомж сдаётся понемножку,
Подаянные рубли
Высыпает на ладошку:
«Вот спасибо, помогли...»

Пребывая в смутной дрёме,
Не взирая на веса,
Покупает в гастрономе
Полбатона колбасы.

Возвращается: «А ну-ка,
Посмотри, что я принёс.
Жри, обиженная сука» —
И целует прямо в нос.

Орган

Пока не поздно и не рано,
И луч закатный не погас —
Грудным стенаниям органа
Дух уподоблен всякий раз.

Ещё не высекая искры,
На ощупь осязая ночь,
Многоголосые регистры
Призывно набирают мощь.

То налетает в чистом поле,
То затихает ураган.
В простуженном насквозь костёле
Мы слушаем живой орган.

И вдруг на гребне крестной муки
Без жалобных и горьких слов
Мальчишка зарыдал под звуки
«Вестминстерских колоколов».

Десятилетнее создание
Пронзил таинственный хорал —
Мальчишка сглатывал рыдания
И шапкой слёзы утирал.

Повизгивал, как на морозе
Скулят бездомные щенки
И млечные поют полозья
По свею Колыбель-реки.

Из плоти сотканный и света,
Весь нараспашку, явлен весь,
Он не оставит без ответа
Ниспосланную свыше весть.

Он подрастёт. Его Жар-птица
Любовью первой осенит.
Он дара вещего лишится,
Но Божью искру сохранит.

И чтобы мама не рыдала,
И чтобы папа не ругал,
Под волхование органа
Он превратится в ураган!

Очарованный

*...И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

*Александр Блок
(«Незнакомка»)*

В одном я сравнился с былинным Садко —
Мы в шахматы с бесом сражались,
В раздумье своё уходя глубоко,
На самое дно погружались.

Я отрок. Я воин. Оставьте меня!
Увольте от сна и обеда.
Я в жертву принёс и себя, и коня —
И мне улыбнулась победа!

Отчаялась мама: «Ты хрупче свечи!
Ты разумом тронулся, Вовка!»
В охапку сгребла и спалила в печи
Моё виртуальное войско.

Но из верноподданных я выбирал
Гвардейцев, не ждущих пощады;
Со взрослым народом вслепую играл,
Стяжая призы и награды.

И вот узнаваемым стал за версту,
Под стать тороватому предку.
Я вырос. И затрепетал на ветру
Мой стяг в чёрно-белую клетку

...И вдруг в очарованной дальней дали
Увидел свою Незнакомку! —
Мгновенно спалились мои корабли,
Сдались ей на милость мои короли,
Гвардейцы пред ней штабелями легли!
А что оставалось у края земли
Былинному делать потомку?

Об этом не скажут ни царь и ни Бог,
Ни старые русские сказки.
Но Блок не преминул распутать клубок,
Сорвав с искусителей маски.

И всё же... Пусть слава моя не гремит
И хата под ёлками с краю —
Я страшен, когда Королевский гамбит
За белых играю!

Паром

Гудит паром, скрипит паром,
Трещит паром брусчатый.
Храпит Харон, трубит Харон,
Мертвецким сном объятый.

И рёв, и стон со всех сторон,
И ветер свищет в уши:
«Проснись, Харон! Подай паром!
Явись по наши души!»

На заберег со всех сторон
Народ стекает с улиц:
«Настало время похорон!
Проснись, проснись, безумец!»

Завяз паром, застрял паром,
Засел паром на мели.
«Вы мне, – взревел старик Харон, —
Смертельно надоели!

Молите, пусть не грянет гром,
Не оскудеет Волга.
Не торопите свой паром —
Живите долго-долго...»

Плач

На рассвете раным-рано
Угольком калёным жжёт
Рваная под сердцем рана —
Всё никак не заживёт.

Не заточками кинжала
Пригвоздили упыри —
Это полымя пожара
Полыхнуло изнутри.

Прахом пепельным и перцем
Припорошило края
Раны рваной, где под сердцем
Умерла любовь моя.

Я один на белом свете
За оградками утрат
В этой безрассудной смерти
Безысходно виноват.

Я грызу кулак и вою:
Как не плакать, как не выть,
Как с открытою, живою,
Злою раной дальше жить!..

Под вечным льдом

Где-то за бугром —

Гром.

А над головой —

Вой.

А под вечным льдом —

Дом.

Это я живу

Здесь.

Помню

Помню иву, помню ниву.
На коня вскочил малец.
«Сукин сын! Держись за гриву!» —
Мне вослед кричит отец.

Сердце бьётся: быть бы живу,
Не расстраивать отца...
Мертвой хваткой, как за гриву,
Падая, вцепился в ниву
И не сдамся до конца!

Последний раз

Пока клокочет жажда жизни,
Пока надеюсь и терплю —
Не говорите мне о тризне,
Я этих штук не люблю.

Из грязи в князи вновь подняться
Готов, друзей развеселя:
Взять крепость, разочароваться,
В последний раз начать с нуля.

На свете ничего победней
Не уготовано для нас,
Чем этот сладкий шанс последний,
Очередной последний раз.

Пророк

Когда Господь меня отпустит
В непредсказуемый полёт —
Крылатый аспид нос откусит
Аз грешному и два пришьёт.

Взорлит и третий глаз водвинет,
Чтоб не зевал и прозревал.
Взъярится, душу с корнем вынет
И вставит плазменный кристалл.

И повелит мне: «Жги глаголом
Сердец арктические льды!»
И я метнусь фантомом голым
Сбирать вселенские меды.

С любимой

Я не любим, и не люблю,
Я утоплю тоску в стакане,
Именье ближнее спалю
И поселюсь в Тмутаракани.

А ты живи, как суждено,
А ты забудь меня навеки.
Меня на свете нет давно.
Меня и не было на свете.

Я задурю назло врагу,
Как все мои чудные предки,
Медведя в сани запрягу,
Поеду свататься к соседке.

И пусть откажет мне она —
Я рад январскому затишью,
Я гляну утром из окна —
И до крыльца тропу расчищу.

Зачем? – ещё не зная сам —
Я пошепчусь в саду с рябиной.
Я чувствую, как по лесам
Ко мне летит кортеж с любимой.

Ты шубу скинешь на ходу,
Влетишь в распахнутые сени:
«Ты думал, дурень, не найду?»
– И дурень рухнет на колени!

Сиреневый день

Во времени не раннем и не позднем,
Когда звенит апрельский небосвод,
Идёт отец, идет зелёным полднем,
Сиреневые саженцы несёт.

Мы деревца под окнами посадим,
Притопчем землю, бережно польём
И рядом на завалинке присядем,
Задумаемся каждый о своём.

«Что, – прогудит, – славяне,
загрустили? —
В словах привычных плещется задор. —
Там человека в космос запустили!» —
Кричит сосед и лезет на забор.

Его сынишка плачет от обиды:
Ликует вся весенняя земля,
Но даже с крыши не видать орбиты
Гагаринского в небе корабля.

Пусть всё, как было, так и остается:
Кричит сосед, звенит апрельский день,
Мальчишка плачет, мой отец смеётся,
Под солнцем приживается сирень!

Скарабей

От пересудов, от скорбей
От злых насмешек не бегите.
Блажен бесстрастный скарабей,
Обожествляемый в Египте.

Шар из навозного добра
В благословенную погоду
Слепил и катит, словно Ра
Лучистый диск по небосводу.

Докатит до укромных мест,
Где будет некого бояться,
Своё сокровище – и съест.
А в свежий шар отложит яйца.

И вылупятся из дерьма
Жучки, один другого краше...

И это жизнь. И суть сама.
И радости. И скорби наши.

Тропарь

На полигоне ревущих страстей,
Фосфоресцирующих скоростей,
В клочья разорванных нервов и жил,
Господи правый, разве я жил?
Разве грибниц водородных извне
Счастье в грядущем не грезилось мне;
Разве снаружи – из чёрной дыры
Не приходили страдальцу дары;
Разве я, неблагодарная тварь,
Не унаследовал звёздный тропарь;
Разве в обиде на скудость свою
«Господи, слава тебе» – не пою?

Щенок

Извёлся бедный, изнемог,
Но заводным винтом
Кружит бессмысленно щенок
В погоне за хвостом.

Да что щенок! Ты сам с утра
Среди людской молвы,
Как кочет из-под топора,
Бежишь без головы.

Когда усталость свалит с ног —
С улыбкою в усах
Бог скажет: «Быть тебе, сынок,
Щенком при небесах».

Я подожду

Звезда сорвалась и разбилась в осколки,
В крещенскую стужу алтайские волки
Отпели звезду.

Промёрзли кристальные млечные воды,
Свернули мережи кипучие годы,
А я подожду.

В глухой полынье утопилась удача,
Терпенье моё захлебнулось от плача
У всех на виду.
А счастье в соседнем дурдоме хохочет,
Всерьёз о кладбищенской доле хлопочет.
Но я подожду.

Любимая, если ты не заблудилась
И сердце в осколки ещё не разбилось,
Не смёрзлось во льду, —
Ты вспомни, как мы в полыню угодили,
Как медленно сани под лёд уходили, —
Ты вспомни, ты вспомни,
А я подожду.

Уходит ли время, уходим ли сами,
Как наши крылатые с песнями сани
Ушли на беду, —

Никто на стенания не отзовётся,
Сквозь наши бураны никто не пробьётся...
Но я подожду.

Борис Алексеев

Москва

Спираль счастья

Бросив машину на жёлтой разметке, запрещающей остановку, я вбежал через распахнутые ворота на территорию стройплощадки. «...Опоздал! Как же я опоздал...», – к горлу подкатил удушливый ком влаги.

Деловито, вздымая над строительным беспорядком многометровую пневматическую штангу, японский экскаватор «Като» отверстым ковшом, как разинутой пастью зверя, вгрызлся в ветхую дранку старого двухэтажного здания. Сквозь вулканические протуберанцы пыли я видел, как падали на горы битого кирпича фрагменты стен, исковерканная деревянная мебель, повисали в воздухе оборванные хлысты электропроводки. «Что же это!» Я метнулся к кабине экскаватора, ухватился за подъёмные поручи, подтянулся и прокричал в поднятое до верха стекло:

– Стойте, да стойте же!

Экскаваторщик обернулся. Его лицо, забронзовевшее от пыли и напряжения, походило на круглый спартанский щит с рельефом льва или другого экзотического чудища.

– Чё-о? – беззвучно спросил он.

Грохот разрушения покрыл звук его голоса.

– Обождите ломать, пожалуйста. Мне надо в доме взять одну вещь! – крикнул я, прильнув губами к стеклу, спрыгнул с подножки и поспешил в подъезд полуразрушенного зда-

ния, зная, что добивать дом, пока в нём находится человек, не будут.

Экскаватор замер, щепы и бой штукатурки просыпались. Наступила странная прифронтная тишина. Я обернулся. В оседающем облаке пыли дверца кабины распахнулась, и огромный детина в комбинезоне цвета начищенной меди пробасил:

– Не понял!

Я махнул рукой, бросился в дом и по уцелевшим ступеням лестничного марша взлетел на второй этаж... Обвалившийся местами потолок, куски электропроводки, провисшие, как лианы над руслом тропической канавки, мусор, нечистоты и ни одной двери – вынесли всё! Защемило в груди – как светло было здесь прежде!

Я подошёл к четвёртому от лестницы проёму и по привычке вытянул руку, чтобы постучать в дверь, – рука провалилась в пустой прямоугольник. В смущении сердца я заступил в пространство, где жил и работал профессор кафедры общей биофизики Иван Гурьевич Хлопоткин...

Разбитые стеллажи, брошенные на пол книги. В овальном окне над рабочим столом («Мой батискаф!» – шутил профессор) завис ковш экскаватора. «Почему хозяин медлит?» – позвякивало стальное брюхо: «Прикажи, я разнесу всё в клочья!»

В верхнем ящике рабочего стола (слава богу, стол уцелел за ненадобностью) я обнаружил то, что заставило меня,

рискуя жизнью, ворваться в ситуацию смерти – крохотная записка размером со сложенный вчетверо лист А4. Связь времён снова была в моих руках...

* * *

Иван Гурьевич Хлопоткин, гений биофизики и мой почтенный наставник. Два года и четырнадцать дней назад Иван Гурьевич почил. Умирая, он передал небольшое послание, ставшее его последним письменным распоряжением.

– Это текст о будущем, – шептал Иван Гурьевич, придыхая и собираясь с силами после каждого сказанного слова, говорить в голос он уже не мог. – Обещайте его сохранить. Тот, у кого листок окажется в руках, увидит будущее.

– Будущее увидят все! – возразил я, забыв, что нахожусь у постели умирающего и дискутировать с оппонентом, зрящим преддверие вечности – верх собственного несовершенства.

Хлопоткин усмехнулся глазами.

– Знайте, дружок, уверенность в каком-либо деле ставит под сомнение предмет уверенности.

Я не ответил. Мне показалось, что профессор тронулся умом. Объятия смерти – жёсткий хомут для иноходца. Однако Иван Гурьевич, как показало время, не бредил. Он говорил о человеке, наивно полагающем, что будущее неотвратимо, как утренний восход солнца, и нет нужды заботиться

ся о его приближении и хотя бы мизинцем пошевелить навстречу.

* * *

Прошло время. За два года и четырнадцать дней я ни разу не обратился к словам учителя. И вдруг... опомнился! Даже восстановил в деталях день прощания. Хлопоткин вручил мне листок, затем, указав на рабочий стол, велел положить записку в верхний выдвижной ящик. Я исполнил. Когда же вернулся к изголовью умирающего, Иван Гурьевич коснулся моей руки и прошептал, с трудом расправляя лёгкие: «Пусть так. Вы придёте за ним, когда следует...» Это были его последние слова. Через несколько минут он впал в забытие и на третий день тихо преставился.

«Когда следует...» Почему слова учителя потревожили моё сознание только сейчас? Выходит, за два с лишним года я ни разу не вспомнил о будущем – спал, ел, работал, жил заботами дня и только... В памяти прозвучали слова митрополита Анастасия Грибановского: «Кто живёт в ногу со временем, тот и умрёт с ним в ногу».

Мысль о будущем, которое может не наступить, потому что я перестал о нём заботиться, взволновала меня. «Кто не нуждается в будущем, тот никогда не отличит его от настоящего и в назначенный час отправится в прошлое вместе с последним» – перефразировал я мысль митрополита.

Наскоро одевшись, я выбежал из дома, выкатил из гаража машину и поспешил к дому Хлопоткина...

Здание, в котором тридцать четыре последних года жизни обитал Иван Гурьевич, находилось под государственной охраной, и я надеялся увидеть пенаты великого человека в прежнем задумчивом состоянии. Надо было лишь отыскать смотрителя с ключами, впрочем, дубликаты ключей от подъезда и апартаментов Ивана Гурьевича у меня были свои. Но я здорово просчитался. Страшная картина разрушения уникального флигеля XIX века, открылась моим глазам. «Стойте!» – закричал я и бросился под взметнувшийся в небо ковш экскаватора...

Дальнейшее, читатель знает. Мне повезло – если слово «повезло» вообще употребимо в контексте случившегося – я обрёл заветный листок, изъял собственное будущее из кучи будущего строительного мусора, отвоевал у супротивных обстоятельств (главное – у личного беспамятства) реплику гения о правилах жизни, при соблюдении которых судьба человека не рушится, не прерывается в развитии, но переходит в будущее время и продолжается к общей пользе.

Сегодня я хочу открыть всем, кому дороги грядущие времена, содержание слов Хлопоткина. При жизни Иван Гурьевич отказался от публикации своих мыслей. Я не считаю такую позицию правильной и готов исправить ошибку гения. К этому меня понуждают совесть и любовь к людям.

Если содержание записки покажется кому-то слишком

простым, не соответствующим количеству сказанных выше восторженных слов, знайте: текст устроен так, что его словесная вязь подобна тюлевой занавеске, которая дробит и приспособливает под обыкновенный человеческий глаз прямо на вас льющийся мощный поток света.

Сказ о будущем

Чемпионат мира по футболу в далеком 2034* году – размалеванные лица болельщиков из Аргентины, Германии, России... Гляжу и завидую сердцем! Ни войн, ни недоверия друг к другу. Санкции и контрсанкции канули в прошлое, государства любят друг друга, независимо от того, чья команда выиграла спортивный матч. Игра в футбол – самый быстрый повод поздравить соперника с победой!

Я вижу это в силу своих необычайных способностей, но пересказать людям то, что наблюдает мой визуальный редактор не могу – меня тотчас поднимут на смех или попросту «забьют камнями», как гадкого утёнка, подавшего свой скрипучий голос вопреки общему хору. Поэтому я вынужден выбирать конкретного собеседника и говорить с ним один на один в отсутствие кровожадного эффекта толпы. Так проще. Я не растрачиваю силы на просвещение зевак, желающих одного: поскорее вздёрнуть очередного смутьяна на виселицу и вернуться домой к телевизору и хохотушке-жене.

Теперь главное. Очевидно, насельники будущих матричных долин умнее и благороднее нас, однако во всём остальном – такие же: радуются, плачут и любят. Вопрос: что мешает нам, глядя на парней из будущего, вспомнить о своём первородном, божественном (не дарвиновском!) благородстве, обняться и не расстреливать друг друга в случае победы?

Ответ напрашивается сам собой: мы разные в ощущении счастья. Счастье, которое во всех религиях говорит о присутствии Бога в человеке, несовместно со злодейством, всякое злодейство есть преступление перед Богом. Вывод один: чтобы исчезло на Земле зло, люди должны стать счастливыми! Возможно такое? Да, возможно. В далёком 2034 личное счастье станет социальной нормой. Я вижу это! Вектор будущей жизни направлен в сторону счастья, значит тот, кто сможет стать счастливым сегодня, уже принадлежит будущему!

Мы находимся на витке эволюционной спирали, помеченной Богом как «Путь счастья». Я не могу объявить об этом прилюдно. Если несчастливцы узнают, что Спираль счастья им недоступна, начнётся такое!.. Почему? Ответ прост. Несчастливец эгоистичен, завистлив и жесток по отношению к чужому счастью. На Спирали счастья он будет подобен голодному волку. Разве это допустимо?

Поэтому, друг мой, во имя собственного будущего постарайся стать счастливым сегодня. Жизнь – это оркестровая яма. Садись поудобней за свой любимый инструмент и не верь шептунам, которых в достатке среди добросовестных музыкантов. Пусть они наветничают: «Ваш инструмент не звучит, вы играете не в тему...». Играй свою музыку и ничего не бойся – ты под защитой времени!

Прим.

** Финальная часть чемпионата мира по футболу прой-*

дѣт летом 2034 года в Саудовской Аравии.

Олег Аникиенко

Сыктывкар, Республика Коми

Бывший слесарь, столяр, водитель самосвала, затем – инженер-строитель. Закончил заочно филфак, работал журналистом в местных газетах и журналах. Сейчас – пенсионер, общественник, автор стихов и прозы.

«В тридцать седьмом – меня убили...»

В тридцать седьмом – меня убили
за то, что «слава!» не кричал,
за то, что яростно трудился
и подозрительно молчал.

В сороковых – штыком проткнули,
жаль, защититься не успел.

В шестидесятых – обманули,
куда-то голубь улетел.

В семидесятых – не смотался,
кому же Родину спасти?

И в девяностых не продался
за колбасу и голый зад.

«Что-то хрупкое легче высмеять...»

Что-то хрупкое легче высмеять,
чем сберечь. Смысл наброска почти утерян.
Не карандашам не хватило грифеля,
а художникам энергии веры.
Те, кто сломлен – пляшут без масок,
но – картонные... Друзья мои, вы ли?
Что-то чистое, как паралитик в коляске,
у которого еще глаза живые.
И пускай болтун потешается
над трудом, как над потребностью.
Что-то важное – не стирается,
если свет изнутри, не с поверхности.
И не надо быть первым или последним —
сохрани себя, как черту эскиза...
Что-то нужное выгнуто на изломе
и к подносу лжи отвергаешь визу.

У последней шкалы

...затем – Надсмотрщик, Хронос, жнец
пустых забав, монах, каменотес,
заложник Долга, – седовлас и нем,
ждет у весов, где чашами – дела
и горы слов. И хмурые косцы
за языки влекут, как под уздцы,
вновь прибывших.

Взглянул: Болтал? – И сузилась гортань
до хрипа, до ненужной фразы.
Прозрачна за спиною ткань
сумы последней. Но не гни плечо,
терпи, еще – не горячо, и Цензор
не отобрал, что ценно в ней,
что – дрянь.

И за мгновенье до удара в сердце
мелькнул дома, что строил для людей,
мосты, дороги, – «моны лизы» тех
ремонтников, философов-умельцев,
теплушки, мастерские, – в них одно
лишь повторялось: выцветшею робой
завешено вагончика окно.

Успеешь ли, сумеешь опознать

«проезда нет» – растущий быстро знак
у края, за которым свет и звук
не рождены. Где, вспыхнув, силуэты
освоенных тобою инструментов,
прощаясь, благодарно возвратят
энергию прикосновенья рук.

И в немоте отбойных молотков
проявится вдруг книжечка стихов,
брошюра, неказиста и мягка,
легка, не толще ручки мастерка,
не тяжелей стамески... Так не медли
на выдохе: Мечтал. Но больше – делал!
И на шкалу, где замерла стрела.

«– Пора... – шепнула Смерть. Вздохнул, ...»

– Пора... – шепнула Смерть. Вздохнул, —
и в световой тоннель нырнул.

– Прими, прими меня, звезда!

Как будто был здесь. Но – когда?

Ах, в ослепительной трубе
летел я, Жизнь, к тебе, к тебе!

Там – первый крик и первый вдох,
там – чья-то теплая ладонь.

Там (помнишь?) Отче – светосей
любовью одарял нас всех.

Так пусть же световой волной
закончится мой путь земной.

Признаюсь, много не свершил.

С ошибками, а – честно жил.

Эдуард Артюхов

Москва

Никто не знает

Никто не знает, впереди
Кого он встретит на пути,
Которым в жизни прошагает,
Кого в пути том повстречает.
Кто станет другом, кто – врагом,
С кем жизнь свою прожить готов.
Никто не знает, впереди
Что будет в жизни на пути.

Любите ангелов-хранителей своих!

Любите ангелов-хранителей своих,
По жизни трудности не одолеть без них.
Незримо с нами рядышком идут,
Бывает, хвореньких нас на руках несут.

Их тяжкая, Богом данная, работа.
Хранить от бед нас – их забота.
Не от того, что бедами считаем мы.
А от того, чтобы не стали мы добычей тьмы.

Работа ангелов та нелегка,
Предостеречь от глупости создания Творца.
Не забывайте ангелам сказать: «Благодарю!»
Хотя бы раз средь суеты на дню.

Их ежедневно нелегка работа,
Нас окружать вниманием и заботой.
Они по жизни рядышком идут,
Нас обессиленных, бывает, и несут.

Бывает часто, ноша – тяжела,
Но бросить ее ангелам никак нельзя.
То – прослушание их пред Богом,
Нам помогать на жизненной дороге.

За нас пред Ним они в ответе,
Им не нарушить Богом данные заветы,
Не забрели чтобы во тьму в пути своем
В грехов тумане божьи дети.

Мы же, бывает часто, глупости творим,
За неудачи ангелов-хранителей корим,
Что есть они не верим и не замечаем,
Что одолеем сами все, в безверии, мечтаем.

Они ж на нас не обижаются,
Прослушание выполнить свое стараются.
Нас от невзгод они оберегают,
Незримо рядышком ангелы шагают.

Незрячие, вперед без разума несемся,
Без подозрения, что может быть убьемся.
Случается, боль ангелы дают,
Но от гибели спасут.

А что им делать, если мы безумны,
В желаниях, страстях безвольно неразумны?
Как им иначе нас остановить,
Чтоб нашу жизнь от смерти охранить?

Ангелов-хранителей своих любите!
«Благодарю!» – раз в день хоть говорите.
Они незримо рядышком шагают,
От страшных бед творения Божие спасают.

Им помогать, уверовав, все ж попытайтесь,
Их тяжкий труд облегчить все ж старайтесь.
Любите ангелов-хранителей своих,
По жизни трудности не одолеть без них.

Своим безверием мы их не обижаем,
О наших слабостях они все знают
И без обид вершат свою работу,
Выполняя Божию о нас заботу.

Любите ангелов-хранителей своих,
По жизни невзгоды не одолеть без них.
Мечты сбылись, бед страшных не случилось,
С их помощью то получилось.

Бывает часто, что мы упрямы до безумия,
Очернены тьмой наши все раздумья.
Хоть не смогли мы избежать с тьмой встреч,
От гибели стараются нас ангелы сберечь.

Ангелов-хранителей любите, берегите!
В согласии с ними и собой живите.
Ведь коль в безумии погибнем мы,
Скорбят и плачут и они.

Любите ангелов-хранителей своих!
По жизни беды не одолеть без них.
Незримо рядышком они идут,

Бывает, на руках бессильных нас несут.

Давайте снова верить в сказку!

Давайте верить снова в сказку,
Хоть возраст нынче уж не тот.
Кто сердцем верит в сказку,
К тому она всегда придет.

Ее мы в детстве обожали
И с трепетом ее мы ждали.
Без сказки мы не засыпали,
Хоть от усталости дремали.

Она делилась чудом с нами,
Цветными одаряла снами.
Она учила нас добру,
Как относиться нужно к злу.

Она учила нас мечтать.
Отважно за мечтой шагать.
Она учила нас любить,
Лишь добрые дела вершить.

Она – учитель наш и друг.
Читали сами, Мама вслух.
Учила человеком быть в снах, наяву,
И мира видеть красоту.

Давайте верить в сказку снова!
Неважно, возраст что не тот.
Кто в сказку искренне поверит,
К тому она, поверь, придет!

Какой на свете самый тяжкий груз?

Спросил у старца карапуз,
Какой на свете самый тяжкий груз.
По жизни старец много походил
И разных грузов поносил.

Взглянув на карапуза,
Мудрый старец улыбнулся.
Ходить лишь только начал,
А силач уже проснулся.

Еще с трудом слова лопочет,
Но знать о тяжестих уж хочет.
– На жизненном твоём пути
Немало тяжестей сумеешь ты найти.

С друзьями общей силой
Иль мышц своих трудом,
С легкостью или устало,
Ты одолеешь тяжестей немало.

Немало трудностей пройдёшь
И сам на свой вопрос ответ найдёшь.
Скажу тебе, что может нынче не поймёшь,
Но согласишься, когда ты подрастёшь.

Слушай правду, добрый малый!

Улыбнулся мудрый старец.

Услышал слова старца карапуз.

– Наши мысли самый тяжкий груз.

6 апреля 2025 года

Время спутала Зима.
В полноправии – Весна.
На дворе уже апрель,
А февральская метель!

Нынче что творишь, Зима?
Кругом горами снега.
Или ось Земли сместилась,
Ты безобразничать решилась?

Быстрее крутится планета,
Какие ждать еще нам беды?
Решилась Зимушка-Зима
Весну погнать, ты, со двора?

Звери, птицы в изумлении,
Открылись только им корма,
Вновь дуют зимние ветра,
Все снегом скрыты закрома.

Весну учуяв, еж проснулся,
В свое убежище вернулся,
Не просто ежику решать,
Весна пришла иль снова спать?

Творятся ныне чудеса,
Быстрее крутится Земля,
Меняет угол ось планеты,
Быть может от того все беды?

Запутались Весна с Зимой,
Нынче быть кому главой.
Осень с Летом пока ждут,
Что в норму скорости войдут.

Вздохнула только чуть природа,
Начало теплой поры года.
Не заперта Зимой в прощанье дверь,
Метет февральская метель.

Прежде чем судить, спроси

Когда судить захочешь ты кого-то,
Сначала в зеркало взгляни.
И у того, кого увидишь,
Безгрешен разве он спроси.

30 декабря 2025 года (размышления грустные и негрустные)

В мире была лишь одна страна,
Над которой Солнце светило всегда.
В мире была лишь одна страна,
Дружбой народов что рождена.

Империей царской она была,
Империей народной в трудах создана.
Войн многих горнило она прошла.
Никем не была побеждена!

Жадность и подлость бродят в мире,
Богачи в котором народы душили.
Им не нужна такая страна,
Что дружбой народов в боях рождена.

Время пришло, мы духа лишились,
Верой лживой, как яду, напились.
На время в горячке болезной забылись...
Результат – страны той лишились.

Больше нет Великой Страны,

На землях которой мы рождены.
Больше не стало народов империи,
Земли растащили нувориши умелые.

Горя немало хлебнула земля,
На которой погибла наша страна.
Но время пришло, вновь народы сплотились.
Страна на земле своей вновь укрепилась.

На ноги встала, сил набралась.
Преимницей прошлой страны назвалась.
Дружбой народы снова сплотились.
Вражье племя тому удивилось.

Ныне в мире есть лишь одна страна,
Над которой Солнце светит всегда.
В мире есть лишь одна земля,
Больше всего что мне дорога!

Нынче зовут ее все – Россия!
Наследница былых империй силы!
Ей противны любые на свете ссоры,
Мира на свете – надежда и опора!

Славься, Россия! Крепко стой на ногах!
Меч и щит вновь держишь в руках.
Славься, родная! Крепок дух твой и сила!
Предшественники как, будь Великой, Россия!

Ангел у Семимостья несет людям счастье (легенда Великого города)

Есть в Петербурге чудесное место,
Семимостью народ его называет,
В зимнюю пору, на Рождество,
Ангел с фонариком туда прилетает.

Он с собой счастье несет,
Тем, кто счастье искренне ждет.
Тем, кто разной порой и в погоду,
Просил счастья на Семимости у Бога.

Летом, осенью, зимой, весной,
Тихой или ненастной порой,
Кто от сердца здесь Бога просил,
Счастья чтобы чуть-чуть подарил.

Есть в Петербурге чудесное место,
Семимостью народ зовет.
Там студеной зимой, каждый год,
Ангел людям счастье несет.

Бессонница

Бессонница – моя ночная спутница,
Со сном моя разлучница.
Бывает, так случится,
Что по ночам не спится.

Чем старше мы становимся,
Тем чаще гостит бессонница.
Спать нужно, даже хочется...
Но вдруг пришла бессонница.

Хоть организм весь мается,
Уснуть не получается...
В том хорошо одно,
Время для стихов пришло.

Бессонница не Муза.
Не радость, а обуза.
Но суть при том одна —
Есть время для стиха.

Ночь тихо продолжается,
Бессонница старается,
Сон гнать ей удается,
Стих на бумагу льется.

Бессонница хлопчет,
Чтоб не уснул я хочет.
Что ж так она заботится?
Она – стихов поклонница.

Ночная моя спутница,
Стих сложится, получится.
Стих завершим вдвоем,
Под утро спать пойдем.

Благодарите Бога за утро новое

Благодарите Бога за утро новое.
За солнечный день и осень теплую.
За покой в доме и пищу вкусную.
За то, что по свету немало пройдено...

В мире идеального не бывает.
У кого-то и этого не бывает.
Свою жизнь мы сами проживаем.
Что отдаем, то с жизни получаем.

Пожаловаться Богу на кого,
Коль в жизни нашей нелегко?
Что попросить, жалуясь, Его,
Чтоб в жизни стало вдруг легко?

В мире идеального не бывает,
Что есть у нас, у кого-то и не бывает.
Все, что имеем, сами создаем.
Что создали – тем и живем.

Потому для жалоб Богу нет причин,
К нему с жалобами всеу обращаться.
За прожитие годы Его благодаря,
Благословение оставшимся спроси.

Благодарите Бога за утро новое,
За осень позднюю в тепле,
За в доме радость и спокойствие,
За пищу вкусную, что на столе.

В мире идеального не бывает.
У кого-то этого ничего не бывает.
У кого-то жизнь бывает недолгая.
Благодарите Бога за утро новое!

Боль

С болью приходим мы в свет.
Жизни без боли в нем нет.
С болью его познаем.
С болью на свете живем.
С болью душевной, телесной.
Или с обоими вместе.
Добытое с болью теряем.
Без боли жить мечтаем.
Главного не понимаем.
Природа права в одном!
Боль если чувствуем —
Значит еще живем!

Бывает хочется всю жизнь начать сначала

Вот брошу все! Все начну сначала!
Бывает, говорим, когда нас все достало.
Когда и грустно, и противно,
И нет уж сил, чтоб мыслить позитивно.

Бывает так и сделать это можно.
Но поступить так стоит осторожно.
Начать сначала что-то можно,
А что-то вовсе невозможно.

Хочу я жизнь начать сначала!
Такая мысль у каждого бывала.
Но, то свершить нам невозможно.
И говорить об этом нужно осторожно.

Жизнь нам дана одна.
Назад не возвращается она.
Не сдать ее в утиль, не обменять.
По пройденному дважды не шагать.

Все, кроме жизни, можно вновь начать.
Коль сильно этого желать.
Задуматься лишь стоит об одном.

А так ли жизнь свою живем?

Ведь если хочется все поменять,
То значит – в жизни нечего терять.
А так ли это? Надобно подумать.
Ошибок чтоб фатальных не совершать.

Вот брошу все и все начну сначала!
Бывает говорим так сгоряча.
Лишь жизнь нельзя начать сначала,
Пусть в прошлом грусть и пустота!

В День Рождества Христа

В День Рождества Христа,
Молитв уже сказав слова,
Я Чуда одного у Троицы прошу,
В День Рождества Святого, по утру.

Я попрошу у Троицы Святой,
Чтоб в мир вернулся вновь покой,
Здоровья, долгих лет для всех детей,
Ручьями чтоб не лились слезы Матерей.

Все остальное сделаем мы сами,
Творя добро добрыми делами...
Намного легче в свете жить,
Когда своих детей не нужно хоронить...

Вселенски, Чудо это – так мало,
Но нам достаточно и одного его.
Чтобы не гибли в мире дети,
Чтоб не рыдали Мама на планете.

В День Святого Рождества,
Молитв сказав уже слова,
У Троицы одно я Чудо попрошу —
Чтоб не кормили души детские войну!

В Канун Святого Рождества

В Сочельник свечи мы зажжем,
Чтоб счастья дом наполнился теплом,
Надеждой, радостью и светом,
Все беды пусть сгорят при этом.

В Канун Святого Рождества
Сердца откроем для Добра!
Как не тревожно ныне в мире,
В сердца откроем двери шире!

Попросим Ангелов нам спеть
О Чуде Рождества нам песнь.
Попросим сердцем небеса,
Чтоб минула нас всех беда.

Чтоб в миг Святого Волшебства
Всем благ, веселья и тепла,
Уюта, счастья и добра,
И были в радости – и Небо, и Земля!

Пшеницу с медом, фруктами смешаем,
И сочивом с душою угостим —
Всех, рядом кто сегодня с нами.
Кто вдалеке – желаем благодати им!

Звезды вечерней, первой, дожидаясь,
Всем, кто в пути, мы пожелаем —
Дом теплый по пути найти,
И благодать от Бога обрести.

Тем, дома кто, приятных лишь забот,
Размолвки, ссоры выгнать за порог,
Надежда, Вера и Любовь чтоб в дом пришли,
И благодать от Бога обрести.

В храмах Божьих, в углу красном дома,
Молитвами прославим Бога снова,
Прощения попросим за свои грехи,
Чтоб благодать от Бога обрести.

Недалеко чудесный праздник – Рождество,
Мгновения вспомним мы Рождения Его,
Его родившей Маме с почтением поклонимся,
Молитвами восславим Свету Дар Ее!

В Канун Святого Рождества,
В Сочельник, свечи мы зажжем,
Чтоб с благодатью Божией в каждый дом
Надежда, Вера и Любовь пришли с Добром!

В небо месяц решил не ходить

Черным бархатом ночь вновь опустилась,
В небо месяц решил не ходить,
Звезды яркие одиноко мерцают,
Им одним по небосводу бродить...

В темном небе медведицы обе
Других лучше созвездий видны.
Но, мне кажется, им тоже грустно,
Когда месяц не хочет взойти.

Ночь темна. Звезды ярко блистают.
Вместе с нами с надеждой мечтают,
Когда месяц взойдет на небосвод,
Блеск по бархату серебром разметет.

По пути млечному зашагает,
Нам и звездам ночи доброй желая.
Бархат ночи расчешет, пригладит,
Серебром, кто дождался, одарит.

Когда бархат в ночи в серебре,
Веселее звездам и мне...
Есть мечтою с кем поделиться,
И, быть может, мечта воплотится.

Важно

Важно не то, что мы увидели.

Важно не то, что мы почувствовали.

Важно не то, что мы ощутили.

Все это – субъективное восприятие мира.

Важно, что мы пережили,

Из окружающей среды извлекли.

Осознали и запомнили.

Сердцем и разумом приняли.

Разум может обмануть.

Сердце – никогда.

Разум – оценивает.

Сердце – переживает.

Верба-красавица

Верба-красавица,
Вся кучерявится.
Миру вещает,
Что приходит весна.

Хоть не сбежали
Еще холода,
Бодро звучит
Песня ручья.

Хлюпают звонко
С крыш капли.
Солнца лучам теплым
Рады птицы и звери.

Люди тулупы
Прячут в сундук.
Греет теплом Солнце,
Ласковый друг.

Верба-красавица
Вся кучерявится.
Мир пробуждается
От зимнего сна.

Весенняя беда

Май 2024

Какой чудовищный обман,
В тепла весеннего разгар...
В цветах дерева и кусты,
Благоуханье красоты...

И вдруг – морозы и снега.
Весны пожухла красота.
Вопрос один к молодой Весне,
Как уступила, вдруг, Зиме?

Весь в цветах яблоневый сад

Весь в цветах яблоневый сад,
Сладок терпкий цветов аромат.
Ветки мощные и веточки хрупкие
Белизной от души их окутаны.
Грузный шмель, пчела юркая,
Нынче сладость цветов им доступная,
На душистый хмель слетаются,
Яблонь сладостью наслаждаются.
Прилетят, погудят...
Нектар соберут, улетят...
Цветки яблонь они опылят.
Будет в яблоках к осени сад.

Всегда наступает за закатом рассвет

Можно спорить о том или нет,
Что первично, а что – нет.
Но природа сама даст ответ.
За закатом наступает рассвет!

Было время, а мы не понимали,
Что мы – жили, а не прозябали...
Жизни радовались люди вокруг,
А нынче все в заботах живут.

Среди невзгод в трудах выживают,
Позабыв про души и дома уют.
Не простое нынче время... Не простое...
А мы то думали, что хуже нет – застоя...

С горечью познали, но пути назад уж нет,
Что был это, в головы нам вбитый, – бред.
Кто же ныне на вопрос: «Что делать?», —
Даст разумный, без бреда, ответ?

Накликали сами на Родину бед!
Поверив, что друг нам заморский сосед.
Но теплится все же надежда
 во время тьмы и бед...
За каждым закатом всегда приходит рассвет!

Встреча на рыбалке

В предрассветной туманной мгле
Тишина на всей реке...
Все и все в округе спит,
Лишь вдали, где речки устье,
Спросонья Ладога ворчит.

Очень рыбная пора,
С очень раннего утра.
Рыба завтракать выходит,
Когда на речке тишина.

Солнце гонит прочь туман,
Соловей запел, что пьян,
От в округе красоты,
Природы утра чистоты.

Поплавки стоят дозором,
На глади танец свой танцуя,
Рыбацкого не ждать позора,
Пустые удочки пакуя.

На берегу напротив глаз
В тумане видит чудный пляж.
Намыла речка там песок,
Смеется: «Искупнись, дружок!»

Нельзя купаться рыбаку,
В рыбачью пору по утру.
В тебе коль слабость та проявится,
Речная рыба не появится.

Вдруг шум по дремлющей реке.
Два человечка на песке?
Рыбалке нынче – швах, ребята,
На пляж вкатились медвежата.

За ними мамка на песок,
С ней повстречаться – плох итог.
Все дружно в речку – искупаться,
Сегодня рыбу не дожждаться.

Конечно, зависть это – плохо,
Но им завидую сейчас.
Они довольные – в лес, спать,
Мне ж удочки пустые собирать.

Не всякий раз удача рядом,
Медведица, окинув взглядом,
Погнала мишек из воды,
Довольные вновь в лес ушли.

Теперь стараться мне на зорьку,
Под вечер, у речной воды.
Иначе ныне не отведать,

С дымком наваристой ухи.

В предрассветной туманной мгле
Не всегда тишина на реке...

Встреча со старым другом

Над волнами чайки летают.
Теплоход, проходя, гудит.
Над волнами Ротонда плывет,
Белоснежный не догнать теплоход.

Вроде так же все, и – не так.
Лет немало прошло, то – так!
Много нового нынче вокруг.
Здравствуй, старый, мой добрый друг!

Воды не стали Волги быстрее.
Пройдусь по новой набережной твоей.
Стала шире она и длинней.
Ветер с Волги дует вольней.

Посижу на твоём берегу.
С грустью на волны Волги смотрю.
Молодеешь, хорошеешь ты.
Я ж иначе, чем ты, увы.

В молодые свои года
Посещал я твои берега.
Здесь я счастлив был и друзья,
Здесь мы молоды были тогда.

Здесь учились, творили, мечтали.
Радости и печали бывали.
Здесь любили и дружбою жили.
По земле твоей дружно бродили.

Чем и как жить здесь познавали.
О великих свершениях мечтали.
В водах Волги в жару купались.
С гор зимою на лыжах катались.

Ты приветливо нас встречал.
В цирк, в театры двери открывал.
Скучать, печалиться нам не давал.
Родным домом на время стал.
С сожалением нас провожал.

Над волнами чайки летают.
Теплоход так же режет слух.
Молодеешь ты, а я – мудрею.
Здравствуй, старый, мой добрый друг!

Говорите Спасибо людям!

Не говорите Спасибо Богу,
Он не обидится, Он улыбнется.
Спасать нас – это Им нас понимание,
Спасать нас – это Его желание,
Спасать нас – это Его работа,
Спасать нас – это Его забота.

Спаси Бог – это Ему молитва.
Спаси Бог – это наша к Нему просьба.

Свершилось благо – слава Богу!
Подравнял нашу кривую дорогу.
Слава за дела Его и нам блага!
Славить Бога нам надо.

Говорите Спасибо людям,
Будут помнить, а может забудут.
Бог молитву о них услышит,
Не забудет, в список дел своих запишет.

Спаси Бог – это наше к Ему молитва.
Спаси Бог – это наша к Нему просьба.

Горькие слезы

Горькие слезы – молитва пред Богом,
Когда не осталось сил на слова...
Думайте, люди, кого-то обидев,
Сколько свершили обидой, вы, зла?

Давайте в Сочельник свечи зажжем!

Давайте в Сочельник свечи зажжем,
Чтоб светом наполнился дом и теплом!
Семья чтобы вся собралась за столом.
Чтоб счастьем наполнился каждого дом.

Свечи игриво, ярко мерцают,
Праздничный стол радостно освещают.
Молитвы вспомним. Молитвы прочтем.
Первой звезды вместе все подождем.

Много ныне невзгод и хлопот,
Разные беды год каждый несет.
Больше все серого и мрачного в дом...
Давайте в Сочельник свечи зажжем!

Чтобы плясали яркие язычки,
Гнали бы прочь тьму они.
С тьмой проблемы чтобы ушли.
Сердца чтоб теплом согревали они.

Радостно свечей играют огни,
Добрыми мыслями наполняемся мы.
Скажем друг другу теплое слово.
За столом при свечах уместно такое.

Давайте в Сочельник свечи зажжем!
Светом наполним дом и теплом.
Чтоб счастье и радость в дом заглянули.
До первой звезды мы во тьме не уснули.

Давайте в Сочельник всей Семьей соберемся,
Первой звезды вместе дождемся.
Чтоб радость и счастье пришли в наш дом,
Давайте в Сочельник свечи зажжем!

Дайте мне таблетку от души

Дайте мне таблетку от беды,
Так чтобы на время позабыться,
Боль беды во сне чтоб пережить,
И счастливым без беды проснуться...

Дайте мне таблетку от души,
Чтобы сердце беда болью не душила...
Испив горя чашу от беды,
Сердце беда с болью обходила.

Дайте мне таблетку от всего,
Сердце что пронзает острой болью...
Может станет от неё легко...
Но не обрести в душе покоя...

Две горлицы у лужи воркуют и горланят

Две горлицы к большой луже прилетели,
У края лужи усталые, испить воды, присели.
Береза старая, высокая гнездо хранит,
Пора им обновить птенцами быт.

Покрыта верба пухом с позолотой,
Молитва нынче основной заботой.
У лужи горлицы радостно горланят.
Кто верит в Бога, дела Иисуса вспоминают.

Христа Иисуса вход в Иерусалим,
В сердцах, кто верит, навсегда храним.
Тогда Он начал путь страданий и мучений,
Чтоб обернулись люди к Вере и спасению.

Весна рождением нового благоухает и звенит,
Уснувший в холода, проснулся земной быт.
Покрыта верба пухом с позолотой,
Молитва нынче основной заботой.

Сегодня люди Бога прославляют.
Две горлицы у лужи воркуют и горланят.
Береза старая, высокая хранит их дом,

Пора его наполнить пицанием птенцов.

Деревенское утро

Доброе утро, красавицы-подружки,
Ели в шишках молодых,
Березки, все в веснушках...
Солнца светом залиты поля,
С добрым утром, Матушка-Земля!

Дню новому радуйтесь как подарку

Проснувшись к обеду или спозаранку,
Дню новому радуйтесь как подарку.
В прошлом остался день предыдущий,
Следующий ждет на дороге идущих.

Дорогой, что жизнью нами зовется,
Кто-то бежит, идет, бредет иль плетется.
Полон кто сил, а кто-то бессилен,
Кому-то он страшен, кому-то он милый.

Хмур для кого-то, хоть солнцем наполнен,
Для тех, кто в дороге своей недоволен.
Радостен, счастлив, ярок и весел,
Для тех, кто в беде даже нос не повесил.

Живет, кто в труде, иль с рождения повеса,
Кого все достало, а кому интересно.
Кто в жизни печален, кто вообще недоволен,
Кто рад, что хоть трудно,
но путь дальше проторен.

Кто добрый по жизни несмотря ни на что,
Кого-то во тьму по дороге снесло.
Кто не тороплив, кто-то слишком проворен,
Всяк нового дня по жизни достоин.

В прошлом остался день предыдущий,
Следующий ждет на дороге идущих.
Проснувшись к обеду или спозаранку,
Дню новому радуйтесь, как подарку.

До зимы так долго еще чудес

Уныние навевает природы увядание,
В том есть своя особая краса.
Как будто старца мудрого волоса,
Льдом обратившись, все серебрят роса.

Одежды сбросили деревья и кусты.
Стоят, на холоде дрожа, наги, грустны.
Забронзовело все...
Местами прожилки золотого.
Под вечер, в ночь, по утру больше все седого.

Темно-зелено-серою стеною
В позднеосенней дреме стоит лес.
Серость смысла все яркое водою.
До зимы еще так далеко чудес.

Добро любите и его дарите

Не пребывать чтоб в маяте,
Проснувшись рано утром,
В предрассветной мгле,
Подумайте спросонок о добре.

В безделье дня иль суете,
О Света размышляйте доброте,
И даже, если горе и беда,
Не забывайте о присутствии добра.

Когда приходит время засыпать,
Не забывайте о добре поразмышлять.
Добра себе в день новый пожелайте,
И всему миру пожелать не забывайте.

О добром мыслите и говорите,
Добра желайте и добро творите,
С добром дружите и живите,
Добро любите и его дарите.

Добрые сны полны красоты

По лунной дорожке на кромку волны
Спускаются добрые сладкие сны.
Их небеса щедро нам посылают,
Чтобы во снах в сказках мы побывали.

Чтобы узнали, что есть красота.
За что сражается со злом Доброта.
Что главное в Свете, а что – пустота,
Вместе с которой ждет темнота.

Добрые сны яркие, чисты,
Много в них красок и красоты.
Добрые сны чудесны, прекрасны,
Что есть добро – отчетливо ясно.

Было бы мрачно без них жить на Свете,
Взрослые – мрачные, мрачные – дети.
Сумрак и тьма накрыли планету...
Разве не страшно думать об этом?

В снах добрых мы учимся добрыми быть,
Зло отвергая, Добра делу служить.
В сказках всегда Добро побеждает,
Если иначе – сказка та злая.

По лунной дорожке на кромку волны
Спускаются добрые сладкие сны.
Добрыми сказками они полны,
Добрые сны полны красоты.

Добрый совет

Коль по утру тяжеловато и противно,
Все рано смотри на жизнь, ты, позитивно.
Проживай каждый день активно,
Даже если по утру противно.

Не бывает всегда хорошо,
Важно чтобы плохое прошло.
Мыслить нужно для того позитивно,
И с утра, трудно хоть, но активно.

Дремлет сердцем кто, просыпайтесь!

Вновь пришла «тварей дрожащих» эпоха,
Стало хорошо то, что было плохо...
Умом и душою новые твари скудны,
Но автоматы заменили ныне топоры.

Легко стрелять в того, кто безоружен,
Героизм для этого абсолютно не нужен.
Да и откуда у тварей героизму взяться,
Им же не жизни людей защищать стараться.

Взяли право они на себя решать,
Кому жить, а кому умирать...
Но не знали или забыли то,
Что право это только Богу дано.

Наступила вновь по миру эпоха,
Стало хорошо то, что было плохо.
Беснуются в свете тьмы кликуши,
Им внимают только твари бездушные.

У кого ныне есть разум и сердце,
Кто Добра слуги и единоверцы,
Нынче в скорби главы склонили...
Знайτε, твари, мы ничего не забыли!

Уже тварями люди сжигались,
От Хатыни обгорелые печки остались...
Твари души людские штурмуют...
В Красногорске сегодня пламя бушует...

Дремлет сердцем кто, просыпайтесь!
Оставаться людьми старайтесь!
Свои души добром сохраните,
В тьму бездушных тварей гоните.

Жизнь-наш главный учитель

Кто боль, беду познает,
Тот их не пожелает...
Ни себе самому...
Ни, вообще, никому.

Познается в сравнении,
Плохо что, что – хорошо.
Лишь познав суть явления,
Познаешь смысл его.

Учит жизнь нас упорно,
Пока суть не поймем,
Лишь усвоив урок,
С ней к другому пойдём.

Так, за навыком навык,
Преподаёт нам она,
С рождения мгновения
До – как примет земля.

Жизнь —хороший учитель,
Но не всяк ученик —
Ее знаний ревнитель,
Хоть и принял все их.

Боли кто лишь отведал,
Беду в жизни познал,
Уроки жизни усвоив,
Себя в ней не терял.

Кто в беде-тем поможет,
Чтобы боль пережить.
Как бы не было трудно,
Добру будет служить.

Жизни главный урок
Тот на «пять» выучил,
Что добром нужно жить,
Твердо кто зазубрил.

Боль, беду кто познает,
Тот их не пожелает...
Ни себе самому...
Ни, вообще, никому.

По дороге лунной тебе шагать

*Славному коту-сфинксу
Шопену посвящается*

За грудиной тупо заныло...
В миг один бывает в жизни постыло...
Когда вести приходят не добрые,
Что беды мы миновать – неспособные...

Вести бывают очень разные:
Желанные, счастливые, праздные...
Обычные информативные,
Радостные и позитивные...

Бывают вести тяжелые,
Болью и горечью напоенные,
Под дых с размаху бьющие,
Сердцу боль жгучую несущие...

Даже, если к таким готовишься,
Все равно сердце рвут чудовищно,
Разжигая в душе горя пламя,
Если сердце твое не камень.

Никуда от плохих вестей не деться,
Не уберечь от них душу и сердце.

Говорят, время их раны врачует.
Но боль потерь, увы, не проходит,
Глубоко, прячась куда-то внутрь, уходит.

Будоражит душу, пробуждая память,
Если душа не темна, а сердце – не камень...
Из глубины боль к сердцу поднимается,
О случившемся вновь вспоминается...

Как хотелось бы жить без боли,
На светлого мира добрых просторах,
Но не бывает так в жизни, увы,
То лишь желания наши, мечты.

Надежда теплилась – не случится...
Но пришло нам, увы, разлучиться...
По дороге лунной тебе шагать,
Доля наша – о тебе горевать...

Так бывает в жизни, потеря случается,
Хоть того нами и не желается,
Судьба ломает нас через свое коленце,
Понимает разум, не принимает сердце...

Как нас жизнь не поучает,
Ценим тех мы, кого теряем...
В этом главный в жизни наш недуг...
На всегда прощай, добрый друг.

Книга жизни твоей теперь закрыта,
В наших перевернулась твоя страница...
Если б по кошачьи я говорил,
То обязательно тебя бы спросил:
– Своих восемь кому подарил?

Может мне, и кому-то еще в семье?
Нас спасая, в ущерб себе...
Коты, говорят, жизнью своей одаряют,
Того, кого любят и оберегают...

Одно плохо, не заметили мы,
Как раздал ты все жизни свои...
По дороге лунной потому тебе шагать,
Доля наша потому – о тебе горевать...

Зимняя сказка леса

Оделись деревья в белые шубы.
Кусты в полушубках белоснежных стоят.
Дорога лесная сквозь добрую сказку
По снежному пуху вдаль лесную зовет.

Укрылось все снега теплою шубой.
Размякнув в тепле, все дремлет вокруг.
И только ворона на ели макушке,
Каркая, режет странника слух.

Снежное чисто еще полотно,
По пледу не бродит лесное зверье.
Спят зверушки, не летают пичужки.
Смакуют первого снежного пуха тепло.

Дремлет продрогшая без одежды природа.
Чудесное время нынче в лесу.
Давайте, тихонечко вернемся к дому,
Леса храня нынче тишь и красу!

Зимнее утро. Мороз

В мороз крепкий, по утру,
Разгоняя вокруг тьму,
Солнце золотом блистая,
Поднялось огнем сверкая.

Сумрак утра прогоняя,
Лучом тучи пробивая,
Снег на крышах освещая,
Искриться ярко заставляя.

В шубах детушки природы,
В снежных, теплых, по погоде.
Чист и ясен небосвод,
Но мороз ведь не уйдет.

Крепка Матушка-Зима,
Далеко еще весна,
И на окнах всех узоры —
Зимних сказок там просторы.

Тихо. Птицы, звери – спят.
Солнцу каждый нынче рад,
Но силен все же мороз,
Зря с тепла не сунуть нос...

Солнце ярко, но тепла
Не дает оно пока,
Так чтоб таяли снега,
Пробуждая жизнь ручья.

Мороз крепок по утру,
Нет противника ему.
Рады солнечному свету,
Хоть тепла большого нету.

Заискрилось, засверкало
То, что ночью пропадало,
Заиграло все на солнце...
Ну-ка, глянь скорей в оконце!

Полюбуйся на красоты
Зимней сказочной природы.
Мороз. Солнце. Белизна.
В мороз утро – красота!

Зло порождает зло

Зло порождает зло.
Так в Свете уж суждено.
Остановит зло лишь Добро!
Если есть кому сотворить его.

Легко зло в жизнь свою впустить.
Трудно зло потом остановить.
Лишь Добро может зло усмирить.
Если есть кому его сотворить.

Когда зло тебя окружает
И служить ему заставляет,
Добро нужно, трудно хоть, совершить,
Чтоб услуги злу прекратить.

Добро порождает Добро,
Исправляя то, что творит зло.
Зло с Добром вечно бьется в мире.
С кем быть важно, чтобы мы решили!

И в поздней осени есть красота (осенне-философское)

И в поздней осени есть красота,
Хоть навевает нам уныние она.
Кусту и дереву уж не нужна листва,
Скрывает она, что пожухла трава.

Не радуют наш грустный взгляд
Сестренки – слякоть, сырость.
На грусти бал прибыть для них случилось,
Природы увядание завершилось.

Сия в уныние приводит нас пора.
Дожди холодные с собою привела.
Под их стенания может показаться,
Природа, платье скинув, умерла...

Всегда приходит осень, не спеша.
И поздней становиться всегда.
На грусти бал нас приглашает непременно,
Все временно что, напоминая нам.

Но даже тот, кто осенью родился,
Еще и года в свете не живет,
Через зимы сверкающую пору,

Увидит сам и сам поймет,
Весна, хоть не ко всем, всегда придет.

И Маму крыльями руками он обнял

*Мальчику-ангелу Анатолию, славному сыну
Мамы и Земли Курской,
в светлую память
посвящается*

Он руки детские направил в небо,
Он от небес лишь блага ждал.
Но с неба смерть летела в город слепо...
И Маму крыльями-руками Он обнял...

Еще кипит в сердцах трагедия Зугресса.
И снова болью жгучей в сердце нам удар.
Горит пожар войны от бесов...
Из ада брызжет смерти жар...

Он руки детские направил в небо,
Он от небес лишь блага ждал...
Но смерть, несущуюся с неба, он увидел
И Маму крыльями-руками от обнял.

Играет Осень грустный блюз

Играет Осень нынче блюз.
Грустней его я слышал редко.
Совсем голы на древах ветки...
То, видно, самый грустный блюз.

Уже давно не видно солнца.
Что ночь, что день серо оконце.
Ударник слабый – в крышу дождь.
Не музыкант. Что тут возьмешь.

Ветра гудят натужно в трубы,
Скрепят тихонько домов срубы,
Чуть ветками шуршат кусты,
Не шелест то золотой листвы.

И больше хлюпости все ныне,
Бодрящих звуков нет в помине.
Грусть остудила буйство чувств.
Играет Осень грустный блюз.

Июльское доброе утро

Доброе утро!
В середине лета.
Бодрое утро!
Жить нам так многие лета!

Средь июльской жары
Ночи так коротки.
Прошла только прохлада —
Жаркий день встречать надо.

В рассветы птицы поют,
Пока в прохладе живут...
Но приходит жара,
Не шуршит и листва.

Сушит землю жара,
Но есть прохлады места.
Хорошо под листвой,
Там прохлады покой.

Ну, в если трудиться,
Словно в бане нам мыться.
Семь потов с нас сойдет,
Пока прохлада придет.

Макушка лета пришла.
Влаги просит земля.
Небо воду дает,
Земля с жадностью пьет.

Но не могут дожди,
Прохладу долго нести.
Только тучи ушли,
С небес жар до земли.

В природе все бурно растет,
В ярких красках цветет,
Хоть пылает жара,
Плодоносит земля.

Знает – осень придет.
С собой холода приведет.
А за ней и – зима...
Ничего, что жара!

К детям и внукам, к следующим поколениям

Оглянитесь, дети и внуки,
Осмотритесь с умом, не от скуки,
Чтобы главное в жизни понять,
Чтоб оплотом Земли Родной стать.

В любви вас родители зачинали,
В муках мамы к свету рожали,
Вас вниманием, теплом окружали...
Не у всех хоть такое бывало.

Родились вы на землях народов,
Что пахали на них год из года,
Хлеб растили и дружбою жили,
Врагов вместе за Родину били.

И сплотившись в большую Страну,
Прошли радости и горе-беду,
Вас на свет в любви породили,
Чтобы вольно в стране своей жили.

Вы на землю свою посмотрите,
Вы победами предков живите,
Полита она кровью и потом,

Чтобы жить вам на ней без заботы.

Если враг на землю родную придёт,
Кровь и пот проливать ваш черёд,
Чтобы вашим детям и внукам,
На земле своей жить без забот.

Посмотрите, дети и внуки,
Вы на землю свою не от скуки,
А с умом на неё посмотрите,
К ней с любовью, как мы, вы живите!

Как легко обмануться в пути

Притча есть у многих народов,
Различать как людей и уродов.
Как легко обмануться в пути,
Вместо Рая в ад зайти.

Шел дорогой долгой путник,
Рядом верный, с рождения, пес,
Ни воды, ни хлеба в котомке,
На плече что путник нес.

Нет уж сил продолжать движение,
Устал путник и пес устал,
Отдохнуть захотелось обоим,
Значит – нужен для них привал.

Только, вдруг, впереди – оазис.
Среди мрачных пейзажей пути.
У ворот его – статный привратник,
Зазывает, приглашает войти.

Ждет тебя здесь, путник, отдых.
Среди красоты и благодати покой,
Есть вода здесь и сладкая пища,
Заходи, отдыхай, не стой!

Что же это за доброе место?
Путник, чуду дивясь, вопрошал.
Умер ты. Это —рай! Тебе – пропуск.
Заходи, – Привратник сказал.

Значит пес мой тоже умер?
Не оставил друг верный в пути...
Разреши нам тогда обоим
Через врата твои в рай пройти.

Нет, к нам в рай собаке нельзя.
Даже если вы были друзья.
Посмотрел путник на верного пса, —
Пойдем дальше, друг, нам с тобой не сюда...

Побрели дальше, хоть и трудно, друзья.
Не бросил путник своего верного пса.
Как бы ни была дорога трудна,
Друзей верных своих бросать нельзя!

По пустыне идет их дорога,
Голод, жажда и нет им подмоги...
Волочат уже с трудом ноги,
Но идут вместе по одной дороге...

Впереди, вдруг, дом. Похож на сарай.
Без ворот, сквозь забор, проход...
На завалинке старик седой сидит.
Не богатый, простой вокруг быт.

На постой примешь ли, Отец,
Утомились мы вдвоем вконец?
От чего ж не принять, проходи,
Видно, в долгом вы были пути.

Накормить вас чем найдется,
Вода чистая из ручья льется.
А собаку в дом свой пустишь?
Проходите. Ее чем мы с тобой лучше?

С удивлением спросил путник, —
Как зовется место, где мы будем?
Это место зовется – Рай.
Проходите с псом, и не переживай.

Но я мимо рая прошел,
Не смог друга бросить и не зашел.
То не рай был, а ад... Ты мимо прошел.
До Рай ты с верным другом вместе дошел.

Не все доходят до этих мест.
Лишь те, у кого душа и совесть есть.
Лишь те, кто не бросает добрых,
верных друзей.

Лишь те, кто познал,
что в жизни всего важней.

Притча есть у многих народов,

Как различить среди людей уродов,
Как легко обмануться в пути,
В место Рая, в ад зайти.

Как много в жизни мы не знаем

Как много в жизни мы не понимаем.
Век краток человека, чтобы все познать.
Мы думаем, что много знаем...
О том приходится нам лишь мечтать.

Мир для познания наш бесконечен,
А человек, увы, не вечен.
Запретный плод вкусил от Древа Знаний,
Но равным Древо кто сажал не стал.

Пройдут еще века, тысячелетия...
Сумеем может время обуздать...
Но человеком вечно оставаться,
Нам остается только лишь мечтать.

Как правду познать – важно это знать

Слушайте, что говорит человек со зла,
Слушайте внимательно, что говорит дитя,
Слушайте пьяного человека речь,
Это поможет вам беду остеречь.

Правду всегда лишь они говорят,
О том, что люди вокруг творят.
Нет у них повода ее скрывать,
Чтобы могли мы правду узнать.

Смотрите и услышьте, что говорят питомцы,
Ярче не осветит правду и Солнце.
Вас любят и преданы вам они,
От вас не скроют правду они.

Как правду познать, нам в жизни дано.
Мудрость лишь в том, чтоб услышать ее,
Чтоб правду, горька иль сладка, узнать
И с благодарностью ее принять.

Когда Бог хочет наказать

Когда Бог хочет наказать,
И хочет ли, того нам не узнать,
Но должен это сделать потому,
Не слышим что его, противимся ему.

Если Бог все ж хочет наказать,
Знать сумели мы его достать,
Знать без устали творим мы то,
Что твориться в белом свете не должно.

Знать отвергли им данный добрый путь,
В тьму смогли с него свернуть.
И не слышим Божие Слова,
Что идем совсем мы не туда.

Когда Бог захочет наказать,
Не станет жизнь Он отнимать.
Отберет Он волю и разум,
По отдельности или разом!

Если сможет безумный понять,
За что пришлось пострадать,
Бог узнает, поймет и простит,
Волю с разумом Он возвратит.

Ведь страдает не только безумный,
В тьму он тащит ведь и разумных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.